

**Инновационные теории и практика
в современном российском образовательном пространстве**

Макрушина Ирина Владимировна,

Кандидат филологических наук, доцент,
преподаватель русского языка и литературы,
ГБПОУ Салаватский индустриальный колледж
г. Салават, Республика Башкортостан, Россия

**ПОЛЕМИКА М. А. АЛДАНОВА С Л. Н. ТОЛСТЫМ
КАК МОРАЛЬНЫМ ПРОПОВЕДНИКОМ
(ИЗУЧЕНИЕ ДИАЛОГА ЛИТЕРАТУР В СИСТЕМЕ СРЕДНЕГО
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ)**

Аннотация. В статье исследуются подходы к изучению диалога литератур в системе среднего профессионального образования. Автор сопоставляет две «философии умирания», представленные в повести Л. Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича» и романе М. А. Алданова «Истоки». Каждое новое художественное явление опирается на культурную память. Прочтение романов Алданова сквозь «призму» образов и идейно-концептуальных построений Л. Н. Толстого позволяет говорить не только о его полемике с толстовским христианством, но и об использовании М. Алдановым в своих произведениях литературной традиции в качестве поэтико-смыслообразующего компонента.

Ключевые слова: диалог литератур, сравнительно-сопоставительный метод, «философия смерти», «экзистенция человека», толстовское христианство.

Целостное представление об отечественном литературном процессе XX века во всем его многообразии можно получить, только осмысляя в единстве развитие двух литератур: метрополии и диаспоры, поскольку творчество писателей русского зарубежья – органичный пласт нашей национальной культуры. В связи с этим вполне оправданным представляется проведение среди

Инновационные теории и практика в современном российском образовательном пространстве

студентов колледжей уроков и факультативных занятий, посвященных выдающемуся историческому прозаику I волны русской эмиграции Марку Александровичу Алданову (1886–1957). Изучение творчества этого писателя в рамках общеобразовательной подготовки в области литературы в системе среднего профессионального образования уместно еще и вот по какой причине. «Вобравший» в себя лучшие достижения мировой художественной культуры предшествующих столетий, Марк Алданов может считаться одним из самых «литературных» авторов [1, с. 543]. Писателем, ставшим для него как бы центром культурного «излучения», является Л. Н. Толстой. Имеется множество документальных свидетельств (личная переписка прозаика, его публицистика, воспоминания о нем мемуаристов и известных критиков русского зарубежья), запечатлевших благоговейное отношение М. А. Алданова к Л. Н. Толстому, как он считал, богу русской литературы. В своей работе «Загадка Толстого» Алданов говорит о том, что «божественная природа толстовского гения для него больше, чем обычная литературная метафора». Писатель считал Л. Толстого высшим проявлением человеческого гения, бесспорной вершиной новейшей мировой литературы. Великий классик всегда оставался для Алданова «царем писателей», незыблемым нравственным и литературным авторитетом. Критические статьи Алданова изобилуют восторженными отзывами о художественном творчестве учителя: «Ушло ли вперед искусство со времени его смерти? Если б это было так, то хоть некоторые страницы Толстого казались бы нам устаревшими, старомодными. Я ни одной такой страницы не знаю. Он, быть может, единственный совершенно не стареющий писатель» [2, с. 471]; «Толстого... буду и на смертном одре, вероятно, читать с таким же наслаждением» (10 ноября, 1931 г.) [1, с. 563]; «его художественные приемы представляют собой вечное достижение искусства, которое д о л ж е н усвоить каждый исторический романист...» [3, с. 573]. Преклоняясь перед Л. Толстым – великим художником мировой

Инновационные теории и практика в современном российском образовательном пространстве

литературы, Алданов остро полемизировал с ним как историософом и моральным проповедником. По мнению Н. Ли, Алданов в своих романах «...как будто поставил себе целью исправить несколько неточностей в противоречивых ответах Толстого на поднятые им вечные вопросы» [4, с. 96].

Из всего этого следует, во-первых, что для глубокого постижения произведений Алданова необходимо проанализировать его позицию относительно толстовской традиции как предмета следования и одновременно отталкивания; во-вторых, что обращение к творчеству М. Алданова (в рамках его споров с великим классиком) может быть плодотворным и на уроках литературы, посвященных изучению наследия Л. Н. Толстого.

Такой подход позволит составить представление о нравственно-философских взглядах и мировоззренческих установках Л. Н. Толстого во всей их противоречивости (Алданов выставлял напоказ многочисленные противоречия своего учителя). Проблема восприятия «толстовства» М. Алдановым получила определенное освещение в литературоведении и критике, однако нуждается в дальнейшей разработке.

Обучение студентов восприятию художественного текста с учетом проблемы диалога литератур должно опираться на сравнительно-сопоставительный анализ произведений. При таком методе в рамках учебных занятий реализуются следующие задачи: концентрируется внимание студентов на «сквозных», «вечных» темах и проблемах русской литературы, формируются навыки сравнительно-сопоставительного анализа художественных текстов.

В статье освещается полемика М. Алданова с «философией смерти» Л. Н. Толстого. В романе Алданова «Истоки» исследуются картины человеческого конца в сопоставлении с повестью Л. Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича». Сравнительный анализ двух «философий смерти» опирается на контекстуальное изучение материала, предполагающее, в частности, выяв-

Инновационные теории и практика в современном российском образовательном пространстве

ление связей произведений Алданова с внешними им фактами (мировоззрением писателя, его перепиской, публицистикой, литературно-критическими эссе, воспоминаниями о нем современников и т.п.). Такой подход продиктован методологией творчества Алданова, которому, как отмечал А. Чернышев, было свойственно сначала в публицистике и письмах выстраивать некие концепции, уточнять и развивать их, учитывая возражения и контрдоводы своих корреспондентов, а затем тот же комплекс идей воплощать в художественной прозе [5, с. 6].

Тема смерти, являясь одной из глобальных экзистенциальных проблем в истории духовной культуры человечества, органична и в творчестве скептика Алданова. Он вновь и вновь в своих произведениях возвращается к изложению новой истории умирания, к мыслям о неизбежности конца. Перед человеком от начала мира встает череда вопросов, ответа на которые не знает никто. Как должно жить на земле ему, сознающему свою конечность? За что смерть? Почему так ужасна? Как встретить ее и примириться с ней? Вслед за Паскалем Алданов заморожен концом земного бытия человека: «Мы все приговорены к смерти, и наша казнь только отсрочена» [6, с. 78]. Размышления о смерти дают толчок к поиску смысла жизни: если все бренность, то в чем укорениться человеку?

Экзистенциальное мышление рассматривает смерть как способ для человека вырваться из сферы обыденного и обратиться к самому себе, как переход от неподлинного к подлинному. По мысли Л. Толстого, вещего провидца последних тайн, сознание того, что жизнь может оборваться каждую минуту, способно изменить миропонимание человека и оказать воздействие на его поступки. Деятельность человека, помнящего о своей конечности, обретает нравственно-ценностное значение и направлена на добро. «Всегда предрасположенный к философичности, Л. Толстой, – считает В. В. Заманская, – ...осуществил прорыв в новое для ...его века и русского реализма эк-

Инновационные теории и практика в современном российском образовательном пространстве

зистенциальное «измерение» и «спроектировал» для прозы XX века «преодоление» границ между философией и художественным творчеством» [7, с. 12]. По мнению Алданова, Л. Толстой стоял на пороге создания «философии смерти». «Смерть Ивана Ильича», видимо, существенно повлияла на итоговое обращение Алданова к этой вечной проблеме. Во многих произведениях М. Алданова показан человек как таковой, поставленный один на один перед лицом смерти (не следует принимать в расчет самоубийства, которые являются добровольным выбором героев и расцениваются ими как единственный выход).

В положении толстовского Ивана Ильича оказывается у Алданова, например, Дюммлер в «Истоках». События романа «Истоки», завершеного в 1946 году, охватывают период с 1874 по 1881 – последние годы царствования Александра II. Писатель показывает разные слои русского общества: консервативных чиновников, либеральных профессоров, революционеров; создаёт портреты исторических деятелей: Бисмарка, Гладстона, Дизраэли, Александра II, Лорис-Меликова, Бакунина, Маркса, Энгельса, Михайлова, Желябова, Перовской и др. Алданов убеждён в исторической бессмысленности кровавого пути народников-террористов, впервые признавших оправданность ненависти и нетерпимости. Именно с деятельностью народовольцев писатель связывает «истоки» октябрьских событий. Характерной чертой общественного развития России накануне убийства Александра II, по мысли Алданова, было трагическое противостояние интеллигенции самодержавию, давшее импульс дальнейшему «раскручиванию» революции.

Сопоставим картины человеческого конца у обоих писателей. О его высокопревосходительстве, министре и тайном советнике Юрии Павловиче Дюммлере известно, что он консерватор и германофил, стоявший за вечный русско-немецкий союз. Алданов сочувственно показывает, как угасает вследствие тяжелой болезни, измученный сильными болями и бессмыслен-

Инновационные теории и практика в современном российском образовательном пространстве

ной животной жизнью, этот известный, влиятельный человек, блистательная карьера которого была отмечена всеми внешними знаками успеха. Дюммлер не сразу осознал, что умирает. В начале болезни Юрий Павлович ревностно расспрашивает близких о посетителях, приезжающих справиться о его здоровье, охотно отдает распоряжения на случай собственной кончины, бодро говорит о своей бесстрашии перед смертью. Но вскоре мысль о близящемся конце со страшной ясностью начинает овладевать им: «...все свои чины и ордена он теперь, не задумываясь ни на минуту, отдал бы за то, чтобы прошла давящая боль в животе» [8, с. 110].

Юрий Павлович был горд своими ведомственными преобразованиями (о реформаторской деятельности Дюммлера пять лет назад появилась лестная статья в большой немецкой газете, которую, впрочем, не заметили в «высших сферах»). Алданов прослеживает, как постепенно личность героя трансформируется в «экзистенцию человека», «прозревающего» в преддверии конца. Перед лицом неотвратимой смерти все житейское, что составляло большую часть каждодневных интересов и забот Юрия Павловича на протяжении всего существования, льстило его гордыне, будило честолюбивые и ненасытные стремления, вдруг оказалось пустым и бессмысленным обманом, ложным обольщением, плодом больного воображения: Дюммлер теперь знал, что в его статью, как и в тысячи других, зарегистрированных в канцеляриях, никто никогда не заглянет (даже будущий историк), да и о самом Юрии Павловиче, обсуждая по разным домам Петербурга причину его кончины, будут говорить в мире еще только несколько дней. Герой постепенно проникается «всепонимающей» мудростью умирающего. Он прощает жене разыгрываемую ею утомительную комедию скорби, так как знает, что все это не может быть иначе. Дюммлер искренне нежен с супругой: «...как ты, бедная, устала! Он поднес руку Софи к губам и поцеловал... Ну, до свидания... И спасибо, моя милая... За все...» [8, с. 116]. Ориентация на экзистен-

Инновационные теории и практика в современном российском образовательном пространстве

циальные проблемы заставляет Алданова показывать последние дни героя, когда он (после того как рассеивается густой туман призрачной реальности) обострившимся внутренним зрением постигает самое главное.

«Ивану Ильичу у Толстого мешала спокойно умереть не осознанная им безнравственность его жизни, вернее... отсутствие религиозного миропонимания, то есть толстовского христианства». Стоило ему осознать, что «...жизнь его была не то, что надо, но ...это можно еще поправить», как «...то, что томило его и не выходило ... вдруг все выходит сразу, и с двух сторон, с десяти сторон, со всех сторон», и смерти нет – «вместо смерти был свет», и даже боль перестает быть болью. «Ну что ж, пускай боль», – говорит Иван Ильич, который до раскаяния три дня, не умолкая, кричал так, «что нельзя было за двумя дверями без ужаса слышать его» [6, с. 76]. Простая человеческая жалость к близким приносит Ивану Ильичу избавление: «... надо сделать, чтобы им не больно было. Как хорошо и как просто», – подумал он...» Алданов полемизирует с толстовской «философией умирения»: «Гениальный архитектор одним движением руки перебросил мост между ужасной мукой Ивана Ильича и его безнравственной жизнью... Я готов даже верить в... гениальную интуицию Толстого... Но если она оказывается как нельзя более подходящей к его излюбленной моральной идее и даже для нее необходимой, я инстинктивно начинаю сомневаться... если... философ хочет перебросить мост там, где это запрещают факты и логика, – ... ясно, что и мост, и уверенно ходящий по нему моралист должны оборваться в глубокую пропасть» [6, с. 76]. Инстинкт реалиста не позволил Алданову (не способному к религиозному миропониманию) распространяться о потустороннем мире. Его герои не верят в загробное существование: «Бессмертия души, по взглядам Юрия Павловича, не было... Химическое же бессмертие, прежде, за чтением ученых книг, очень его удовлетворявшее, больше никакого успокоения... не давало» [8, с. 109]. Алданов писал: «...мало ли что мешает

Инновационные теории и практика в современном российском образовательном пространстве

человеку встретить спокойно смерть, и – обратно – мало ли что дает ему на это силы» [6, с. 76]. История, считает писатель, знает много примеров, когда обыкновенные бандиты и отъявленные мерзавцы, по сравнению с преступлениями которых, «грехи безнравственного Ивана Ильича вызывают невольную улыбку», умирали с философским спокойствием, достойным святых. Алдановский Дюммлер до последнего мгновения так и не примирился со смертью, не преодолел ужаса перед ней: «...теперь он видел, что не готов, никогда готов не будет, что к этому не бывает готов никто...» [8, с. 109]. Последние часы умирающего человека показаны писателем сдержанно и правдиво, он уходит без раскаяния и света: «Юрий Павлович... чувствовал, что с ним происходит ... что-то очень нехорошее... «Быть может, последняя ночь, совсем последняя, а я сплю!» Ему казалось, что нужно обдумать еще многое, очень многое, очень важное. Но он не мог сообразить, что именно: обдумывать было нечего» [8, с. 241-242]. Исполненные гуманизма картины человеческого умирания у Алданова всегда сдержанны. В отличие от Толстого, который заражает читателей лихорадкой мучительного ожидания конца, Алданов не пугает смертью («коли нечем помочь, что и пугать»), но и не обещает за страхом успокоения.

Каждое новое художественное явление опирается на культурную память. Традиция в произведении – «реципиенте» выполняет двоякую функцию: 1) обеспечивает культурный диалог разных эпох; 2) выступает необходимым смысловым и структурным элементом нового текста. Прочтение романов Алданова сквозь «призму» образов и идейно-концептуальных построений Л. Н. Толстого позволяет говорить не только о его полемике с толстовским христианством, но и об использовании М. Алдановым в своих произведениях литературной традиции в качестве поэтико-смыслообразующего компонента.

Список литературы

Иновационные теории и практика в современном российском образовательном пространстве

1. «Влияний я испытал немало...»: Из письма М. Алданова к А. Амфитеатрову [28.02.1927] // Минувшее: Исторический альманах. – СПб.: Феникс, 1927.
2. Алданов, М. А. Статьи о литературе. О Толстом // Алданов, М. А. Собр. соч.: В 6 т. – М.: Новости, 1996. – Т. 6.
3. Алданов, М. А. Статьи о литературе. Рецензия на книгу П. П. Муратова «Эгерия» // Алданов, М. А. Собр. соч. : В 6 т. – М.: Новости, 1996. – Т. 6.
4. Ли, Н. Марк Александрович Алданов: жизнь и творчество // Русская литература в эмиграции. – Питтсбург, 1972.
5. Чернышев, А. Россия или Московия? М. Алданов предвидел наши тревоги // Литературная газета. – 1995. – 15 февраля. – № 7.
6. Алданов, М. А. Загадка Толстого // Алданов, М. А. Собр. соч.: В 6 т. – М.: Новости, 1996. – Т. 6.
7. Заманская, В. В. Русская литература первой трети XX века: проблема экзистенциального сознания: Автореф. дис. д-ра филол. наук. – Екатеринбург, 1997.
8. Алданов, М. А. Истоки // Алданов, М. А. Собр. соч.: В 6 т. – М.: Правда, 1991. – Т. 5.